

Анна Лощилова

Выжить без зеркала

сборник новелл

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Анна Лоцилова

**Выжить без зеркала.
Сборник новелл**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Лоцилова А.

Выжить без зеркала. Сборник новелл / А. Лоцилова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Выжить без зеркала – это сборник новелл, о человеке, который старается жить правильно. Содержит нецензурную брань.

© Лоцилова А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

1. Левша	5
2. Ирина Витальевна	10
3. Теперь – правша...	11
PS	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

1. Левша

*Я найду тебя, падаль! И в мерзкую ночь
Я прицелюсь в глазёнки – и вышибу прочь!
Две большие дыры! Упоительный тир!
Твою подлую душу отправлю в сортир!
Ты увидишь красиво одетых людей,
Увлечённо кружащихся в вальсе костей
Над погостом приюта «Послушных Детей»!*

– Это что? – Она даже не подняла взгляда на девушку.

– Вы о чем? – Аня осмотрела себя обнаженную, насколько это было возможно без зеркала. Ничего особенного не нашла. Подтянутое девичье тело, плоский живот.

Немолодая совсем женщина занималась оформлением бумаг.

– Дурочку из меня не делай, – Она, также не поднимая головы, нахально ткнула ручкой Аню в предплечье, где на тонкой венке оставались от вчерашнего забора крови на анализы следы уколов.

– Вы думаете, я наркоманка?

Аня чуть сжала губки, перевела взгляд на медсестру. Она наконец посмотрела на ново-прибывшую. Аня успокоилась.

Взгляд чуть в бок и улыбка – свысока.

– Что кокетничаешь? Сережки все свои снимай, кольца, из носа дрянь вот эту тоже вынь.

Аня вынула из носа сережку, септум. И только сейчас почувствовала, что она полностью обнажена, что на руке у неё следы от уколов, паспорт в цепких руках хамоватой медсестры и в толстом совдеповском журнале появляются какие-то записи. От открытой двери в коридор её отделяет шаткая, почти картонная перегородка. За ней перешептывания и шелест санитарской формы.

Они ждут Аню.

Медсестра тяжело поднялась, но, встав и выпрямившись, пошла плавно, с элегантною баржи. В руках у Ани появился застиранный фланелевый халат в цветочек. Он пах мерзко, но она оделась. Показывать характер здесь нельзя.

Убедившись, что тело девушки прикрыто, баржа сделала манёвр кистью, подзывая одного из санитаров.

– Пожитки эти вниз спустите.

– Подождите, там телефон, там планшет, мне ведь нужно маме сообщить, – Голос Ани дрогнул. В рюкзаке были все её вещи. Она обменяла их на выцветший халат.

Двое других санитаров образовали конвой и повели девушку вглубь по коридору. Её никто не держал, но в молодых лбах читалась полная готовность.

Привели в палату, уложили на кровать. Аня пыталась прикинуть, сколько мест было в этой палате. Количество стремилось к бесконечности.

Подошёл врач, он выглядел адекватно, надо было суметь с ним поговорить. Она при-встала на кровати.

Грубый толчок: «лежи».

– Анна Сергеевна, – врачу передали папку с документами, видимо там было и направление, характеристика, анамнез. Он пробежал глазами по одной из бумажек, – значит, опасна для социума.

Санитары исчезли, на их месте стояла медсестра отделения. Иссохшая старушка. Ей, скорее всего не было ещё пятидесяти, но она выглядела мучительно плохо, словно сама себя поедала изнутри.

– Пока капельницу поставьте, – врач обратился к ней, – пять, шесть. Лучше больше. Ирины Витальевны до понедельника не будет все равно. Я ей заниматься не буду, я не её лечащий врач. Поэтому пусть. Отдыхает.

Аня силилась встать, но холёный молодой мужчина, «не её лечащий врач» предупредил попытку:

– Все с Ириной Витальевной. Экстренную помощь мы Вам окажем. Дальнейшее лечение зависит от неё.

Так Аня познакомилась с первым врачом отделения. На фоне других женщин и девушек в советских халатах, на фоне измученных ночными сменами санитаров он сиял жемчугом. Идеальная, ухоженная щетина. Белоснежные рукава. Ни единого пятнышка. Он не касался ничего, что могло бы его испачкать. И он, конечно, ничего не решал и ничего не значил. Фактически, до понедельника, пока не вернётся Ирина Витальевна, в отделении не будет хозяина. Пациенты могли бы устроить революцию.

Но даже без хозяина третье отделение хранило жуткий чад страха.

Руку Ани зафиксировали к железным прутьям кровати, чтобы игла не вылетела во сне. С каждой каплей, стекающей по пластиковой трубке, Аню сильнее прижимало к больничным простыням с серой печатью клиники.

– Анечка, милая, соберись. Нужно понять, как ты здесь оказалась.

Ещё вчера никто не мог предположить такого развития событий. Аня проснулась поздно, солнце полностью залило почти несмятую после сна постель. Первые заходящие к Ане лучи обычно будили её: весной и летом никогда не заводился будильник. Но сегодня свет не потревожил девочку.

Проснулась в блузке, юбка лежала в кровати у ног, внизу туфли, не сняла в прихожей.

– Да, детка, – обратилась Аня сама к себе, – ты давно так не напивалась.

Аня точно знала, что вчера не пила.

И ужин себе не готовила – специально зашла ближе к вечеру в вегетарианское кафе у дома. Это абсолютно точно. Но в правой руке нож – желтая пластмассовая рукоятка. Такими ножами не шутят.

Аня левша. С другой стороны на кровати ноутбук, открытый вордовский документ. Мелькнул значок батарейки – нужно срочно поставить на зарядку – несохраненный документ может пропасть.

По первым выловленным словам было понятно, это посмертные указания. Экран мелькнул ещё раз и выключился.

– Слишком сюрреалистично, дорогуша, – пробормотала Аня, измеряя шагами комнату в поисках зарядного устройства для ноутбука.

На восстановление файла нужно время.

– Можешь потратить эти минуты на самоуспокоение, но это очевидно. Кто-то пытался тебя убить изнутри.

Аня ужаснулась, это были первые искренние её слова самой себе в тот день.

Надо было ехать в больницу, она чудом осталась жива. И сейчас ей нужна была помощь.

В кабинете сидела Она.

– Вызывайте санитаров, Марина, – уверенно кивнула она медсестре. Та отвлеклась от бумажек и взялась за трубку древнего стационарного телефона.

– У неё ведь Потешная по прописке, Ирина Витальевна?

– Вызывайте на Матросскую.

– Это куда вы с понедельника?

Снова потерялось. Как дошли до санитаров?

– У вас, Анна, с сессией что ли проблемы? К госам не подготовились?

– Я всегда на отлично все сдавала, я ведь говорю Вам, что-то страшное произошло, я проснулась – в постели нож.

– Всегда на отлично, а в этот раз не готовы? Что произошло-то, откуда ножу взяться в кровати.

Аню снова и снова заставляли врасплах, прижимали к выкрашенной стене кабинета все сильнее и сильнее.

– Татуировки на руках, пирсинг. Лысая голова. Любите быть в центре внимания? Внешность у вас вызывающая.

Голос подала медсестра:

– Может, диплом не написала?

Медсестру пригвоздили не менее жестко.

– Диплом не написала ещё? – спросила Ирина Витальевна.

Аня наконец догадалась. Они думали, ей нужен академический отпуск. Они думали, она строит из себя дурочку. Аня, которая пришла сюда, в царство регистратуры и белых халатов, признаться в своей слабости, обнажить провод. Провод оголён.

Она плакала.

– Я проснулась, а в правой руке нож! Я записку писала предсмертную, я умирать собиралась вчера. А умирать я не хочу.

– Не хотите, значит. И диплом готов.

– Готов, – Аня не сдержалась и всхлипнула.

– Вызывайте санитаров, Марина.

Медсестра запечатывала документы в конверт. Аня засыпала с каждой каплей, исчезающей в стеклянной трубке, ведущей к прикованной к кровати вене.

Проснулась Аня в понедельник. Уже в другой палате, здесь было всего пять кроватей, и они были уже не железные, советские, а такие, какие ставят в операционных. На каждой кто-то сидел, каждая в халате в цветочек, они куда-то собирались.

Лицо опухло, Аня хотела посмотреть на себя в зеркало, но, оглядевшись, ничего не нашла.

– Ой, сама встала, спящая красавица, – веселая тетка нежно толкнула Аню справа. – Прямо к завтраку.

В столовой столы. За каждым сидели по пять человек, Аня проследовала за старшими соседками по палате. Женщины в фланелевых халатах дробили ложками холодные сосиски.

Веселая тетка с шутливой суровостью снова толкнула Аню:

– Сосиску бери, сейчас какая-нибудь неадекватная заберёт, без завтрака останешься.

– Я вегетарианка.

– В смысле, мясо не ешь? – тетка явно была удивлена, – Вчера уплетала за обе щеки.

– Ещё бы, вчера котлетосы были – огонь.

Аня вздрогнула. Это был голос умирающего человека. Абсолютно точно, это последние слова ещё живого, но совсем недолго, человека.

Её звали Настасья. Она была единственной, кому разрешали держать у себя расческу. Расческу для длинных, до пояса, черных, переливающихся на свету густых волос. Расческу. В отделении, где еда была холодная, где есть разрешали только тупыми алюминиевыми ложками, где разрешали душ раз в неделю и следили за тобой, пока ты моешься, где не было ни одного зеркала. Ей позволили хранить в прикроватной тумбочке расческу для своих шелковистых волос.

Сейчас они были стянуты в хвост.

– Котлетосы – огонь. А макароны. Это ужас. Могли бы и с пюрехой. Макароны – это же авокадо для бедных.

Настасья была высокой и очень крепкой. Тело амазонки, если бы им не завладела всепоглощающая апатичная слабость. Сколько она уже здесь? Она быстро поела содержимое тарелки, закатав рукава. На запястье начиналась глубокая, проложенная лезвием дорожка и уходила дальше по предплечью.

Судя по шраму, ране было недель 7–8. Судя по тому, что она была жива, её доставили в больницу сразу же после нанесения.

После завтрака Аня чуть остановилась у входа в палату:

– Настасья!

Умиряющая смотрела на Аню умоляюще, только о чем?

– Ты уже сколько здесь?

– Не помню. Месяца два, может.

Сил оставалось ровно столько, чтобы дойти до кровати. Покачивало и жутко хотелось есть. В палату, двери в которую никогда не закрывались заглянула медсестра. Та самая, которая радушной капельницей встретила Аню:

– В порядок себя приведите. Сейчас осмотр будет.

Гром веселой тетки с ласковой грубостью укладывал Аню:

– Поспи! Девочка, засыпай, когда Ирина Витальевна придёт, мы тебя разбудим.

Гром веселой тетки будил:

– Вставай, спящая красавица! Завтрак проспий.

Какой завтрак. Должен же был быть осмотр. Какой завтрак, он ведь был только что!

Тетка предугадала ход мыслей, толкавшихся в Аниной голове.

– Ирина Витальевна сказала тебя не будить. Сказала, недельку тут полежишь, восстановишься, прокапают тебя и выйдешь.

Слава богу! Все стало понятно.

– Мне также говорили. Уже восьмую недельку прокапывают, – Настасья расчесывала свои длинные волосы. – Ты спрашивала вчера, сколько я здесь. Я вот посчитала, восемь недель завтра будет.

Аня села на кровать к Настасье:

– Надо сообщить брату моему. Родители у меня из глубинки, их в Москве нет, да и не помогут ничем. Здесь брат, с ним надо связаться.

– Не надо. Тебя не спасут. Все, что они знают о тебе, они используют. Думаешь, ты на дне сейчас? – Настасья схватила и крепко сжала руку Ани, которой та упиралась о кровать: пошатнулась.

– А я уже на дне.

Весь завтрак Аня ждала возможности снова поговорить с Настасьей. Халаты в цветочек, алюминиевые ложки, сосиски. Измученная амазонка поплелась чистить зубы. Аня за ней.

– А зубы чистить тоже без зеркала?

Настасья сплюнула в начищенную раковину сгусток зубной пасты.

– Хочешь выжить? Будешь выживать без зеркала, придётся забыть отражение. Выживать придётся одной, надо забыть братьев, сватъев и всех остальных. Моя сестра приезжала сюда первые дни. Говорила, подожди, скоро домой поедем, только убедятся врачи, что можно тебя без надзора оставлять, что ты здорова. А сама с каждым днём убеждалась только, что я больна.

– Это она её убедила?

– Нет, это она сделала из меня больную. А теперь давай считать твои дни. Сегодня четвёртый.

Аня выскочила из палаты. В коридоре дежурные за массивным столом. На столе тонна бумаг и телефон. Когда её привели сюда в пятницу, четыре дня назад она видела, кто-то в

фланелевом халате говорил по телефону, ей разрешили сесть на табуретку сбоку и набрать номер. Значит, могут разрешить и Ане.

Из-за стола поднялась сухая самопоедающаяся старушка:

– Вернись в палату. У тебя нет разрешения на прогулку по коридору.

– Мне нужно позвонить!

– Разрешение на звонки даёт только Ирина Витальевна.

– Позовите её!

Аня снова лежала на кровати, руку зафиксировали, чтобы с капельницей не было проблем.

В старушке не было злости, старушка только самоуничтожалась, и сил ни на какие другие эмоции не было. Она попыталась не быть грубой.

– Ирина Витальевна будет только на следующей неделе. Ты телефон – то помнишь? Она придёт, даст разрешение, а я не могу, я не врач.

Надо вспомнить номер телефона брата. Номер, который Аня набирала всего раз в жизни, чтобы записать.

Можно и не вспоминать – через неделю её и так выпустят. Уже даже меньше, до пятницы осталось всего ничего. Точно выпустят, её ведь не за что здесь держать. Прокапают и выпустят, а номер буду вспоминать не из-за необходимости. А чтобы чем-нибудь себя занять. Не все же спать.

В коридоре звон. Приглушённый голос старушки: «Алё. Сейчас буду». Поднялась на своих ногах-костылях. Открыла дверь столовой, нырнула туда. Это не баржа, она сухая, не тонет, но и не плывет.

Столовая – проходная комната в здании клиники, чуть дальше кабинеты: врач, главврач, психолог.

Главврач. Ирина Витальевна. Стук в дверь. Тишина. Снова: тук-тук.

Секунду.

– Войдите.

Ирина Витальевна сидела слегка, развалившись...

2. Ирина Витальевна

Ирина Витальевна сидела в кресле, позволив себе развалиться ровно настолько, насколько она при этом не теряла грации женщины, обладающей властью. Настоящей, а не властью гардеробщицы, хватающейся за любую возможность ее продемонстрировать.

Ирина! Ирина была хороша, немного до сорока, но пока ещё не. Крепкие мускулистые икры – выше облегающая черная юбка. Белый локон спустился на плечо из прически.

Она знала, что редкий мужчина осмелится к ней подойти, хотя многим и хотелось. Знала, потому что годами строила этот образ ядовитого алого цветочка.

Ирина была хороша и подразбита. Насчёт Ани она не ошиблась. Одна из тех, кто ничего из себя не представляет, из тех, кто никогда не был лучше хоть кого-нибудь, хоть в чем-то.

Но такие всегда отличались.

И, если честно, едва ли уместно так обобщать. Аня была вторым таким человеком из тех, что встречала Ирина. Хотя уже девятнадцатый год шли ее поиски, начавшиеся сразу после смерти первого.

Лет двадцать назад никто не узнал бы в Иришке, пухленькой девочке с дефектом речи – проблемы со свистящими – этого рокового комиссара, разлегшегося в кресле белой кожи. Девочка в тени своего брата близнеца.

Такого же пухленького.

Начальная школа. Он – лучший. Так никто не читает, никому так не даётся таблица умножения. У него феноменальная память. Олимпиады школьников, конкурсы рассказов, праздники чести. Всюду он.

Иришка выбивается из сил, хотя бы не выглядеть глупо рядом с ним, Иришка учится на пятерки, Иришка добивается участия в олимпиадах, даже выходит на призовой уровень, конференция, публикация в сборнике, доклад по этнографии евреев. Иришка наконец может встать рядом с братом.

Только он на карусели это все вертел. Сбегает из дома. Бунтарь. От него ждали золотой медали, а он получил тройку в аттестат и свалил после девятого класса.

Он просто однажды за столом, во время ужина, попросил никого не уходить и выслушать его решение, с которым сидевшие должны были посчитаться. Он сказал, что дальше он будет заниматься музыкой.

Иришка ликовала. Лучшая ученица школы. Сейчас ее братца, уroda, сбросят со скалы...

3. Теперь – правша...

Аня перестала сохранять осторожность. Она знала, плакать было нельзя. За слезы тебя отправляют в палату, которую здесь называют карантин. Та, куда отправляют новоприбывших. Там, где бесконечное число кроватей стоят одна за другой, и ни на секунду тебя не оставляют одного. У этой палаты даже номера нет, и каждый, кто туда попадает, перестаёт существовать. В этой палате нет ни одного “я”, нет ни одного “ты”, там нет даже пресловутого “мы”. Каждый боялся даже подумать, способность мыслить терялась, останавливалась, сознание забивали глухими ударами загнанного от ужаса сердца. Человеку необходима интимность, чтобы просто быть человеком. Внимание! Очень важная банальность: без кислорода ты все ещё можешь быть человеком. Задыхающимся, жалким, посиневшим человеком. А без возможности остаться наедине с собой – нет. После этой палаты миры антиутопий, где за тобой непрерывно и неумолимо следит какой-нибудь большой родственник, ощущаются совсем иначе. Они уже не вызывают в тебе возмущение или чувство несправедливости. Просто холодят тело. А ты не двигаешься до сих пор, пока боль не отпустит, только чувствуешь как постепенно немеют конечности, снизу вверх, и все равно не шевелишься. Поэтому все так боялись снова попасть в карантин. Но сейчас Аня была не в том положении, чтобы бояться. Её оставили одну, но не дали возможности оставаться наедине. Они даже закрыли дверь. Это единственная палата, в которой закрывалась дверь. Аня стучалась и плакала столько, сколько хотела. Иссохшаяся медсестра начинала сходить с ума от жалости и даже позволила себе заговорить с ней в очередной раз открывая дверь, чтобы проводить в столовую.

– Что же ты психуешь! Ты разве не понимаешь, что это тебя воспитывают! Для твоего же блага. Как успокоишься, так и придут к тебе, наверное, и в палату обычную вернут. С тобой же по-человечески хотят!

Эти правила действительно работали. Но не в этой палате, с Аней играли в другую игру, куда сложнее и изощреннее. Не потому, что правила “для всех” были слишком простые. Просто Ане достался жребий участвовать в другой игре. Вот почему эта палата. Она ведь была обычных размеров, там должно было стоять пять кроватей. Но их не было. Поле подготовили специально для неё.

Вот почему она знала, что нельзя останавливаться и позволяла себе плакать тогда, когда хотела. У неё был сильный соперник, сохранять свободу в одиночной камере становилось все сложнее. На седьмой день она просто не смогла. Галоперидола вкололи столько, что она просто не смогла полностью проснуться. Ирине Витальевне доложили в срочном порядке: У Шестаковой спокойно, не кричит, на медсестёр реагирует вяло.

Как она была притягательно величественна. Царица Ирина. Она соизволила показаться своей подданной. Она села на её кровать, она была готова даже протянуть ей руку.

Аня открыла глаза. Перед ней сидела та самая, что отправила её сюда. Вот почему это имя казалось знакомым, это имя на бейджике участкового врача психоневрологического диспансера под номером семь. Этот пазл сошёлся только сейчас. Аня приподнялась на кровати: игра становилась понятна.

– Кажется, неделя уже прошла, – заявила она. – Более того, я не понимаю, почему мне нельзя связаться с родственниками, и, самое важное, почему мой лечащий врач ни разу меня не посетил. Лекарства мне дают вообще на законных основаниях?

Такой длинной и связной речи никто не мог ожидать от Ани. Ни Ирина Витальевна, ни она сама. Препараты не позволяли это чисто физически.

Ирина Витальевна поняла, что ошиблась, поспешила. Пришла смилостивиться над уничтоженным зверем, а он ещё не был побеждён, только устал и, более того, был силён настолько,

что позволил себе отдохнуть. И уходить было поздно, надо было срочно менять тактику, и плана Б не было.

– Рано пока.

Ирина Витальевна вышла. Ещё величественнее, чем зашла. Слабость Ани оказалась мощным тактическим ходом, но не сделала её сильнее. Она снова заплакала, и в этот раз её никто не слышал.

Ане разрешили звонок. Номер телефона принесли на бумажке помойного вида, заранее осведомившись, кому она собирается позвонить. Теперь её брат знал, что сестренку нужно вытаскивать и она была уверена, что у него все получится. Она никогда не сомневалась в его способностях решать проблемы. То, что она выйдет, Аня была уверена: её снова впечатлил этот голос. Даже не дрогнул, не замешкался, услышав, что сестру положили в психушку. “Не переживай, – говорит, – всё уладим, котёнок!” Но вот уверенности в том, что под руку из здания больницы выйдет именно она, Аня не была уверена. Она и сейчас не была уверена в том, кто она есть. Даже окна были спрятаны под занавесками. Ни единого шанса на отражение.

Пока Аня ждала ответа, слушая гудки, по коридору вели новенькую. Её выдавал растерянный взгляд и халатик. Её тело ещё его не приняло, она чувствовала себя в нем голой. Иссохшаяся остановила одного из санитаров:

– Ох, ещё привели к нам.

– Ага, художница какая-то, прямо из мастерской забирали.

– А, ну эти творческие личности все сумасшедшие. Ничего, вылечим.

За обедом Аня села за стол ближе к Настасье:

– Мне такой сон приснился. Хочешь, я расскажу?

– Рассказывай, – и снова уткнулась в тарелку.

Аня нашептывала Настасье слова, слова складывались в картинки, Аня танцевала ими, била в бубен, призывая дождь. Аня шептала, быстро, красиво, смело и уже начинало пахнуть предчувствием свежести, воздух спирало все сильнее, становилось душно, шёпот – дождь. Хлынуло.

– Ирина Витальевна! Настасья ручку попросила и кроссворды, на столе у меня увидела. Ну, я дала, ей ведь можно, – докладывала Иссохшаяся.

– Вообще, это запрещено, конечно. Как там Шестакова?

– Все тихо, проверить?

– Не стоит, завтра зайду посмотреть.

Настасья мелким почерком – боялась, что не хватит места – записывала Анину историю под названием “Сон” на полях газеты с кроссвордами.

Игра продолжалась. Ирина Витальевна чувствовала себя все могущественнее. Аня молчала и смотрела на неё смиренно.

– Меня скоро выпишут?

Ирина Витальевна сияла благодетелью:

– Анечка, мы уже разговаривали об этом с твоим братом. Пока тебе нужна госпитализация, ты ведь чувствуешь, что ты ещё нездорова.

Аня кивала:

– Да.

Аня продолжала рассказывать “сны” Настасье. Настасья запоминала каждое слово, скрупулезно записывала их на полях, буквы едва можно было разобрать и тем красивее становился орнамент кроссвордной феерии. Ирина Витальевна возвращалась к себе в кабинет. Доставала из тумбочки фотографию, где они с братом, в красной рамочке. Блестящий близнец меркнул с каждым днём и Ирина Витальевна плакала от счастья.

На сорок первый день к Ане в палату вошла Ирина Васильевна. Намного раньше чем обычно, ещё не завтракали.

– После обеда придет твой брат, подпишите все бумаги и получишь выписку. В течении трёх дней нужно будет встать на учёт к психиатру. Первое время так.

И вышла. Царица Ирина. Кого теперь качали на руках? Серая масса, красные рамочки. Великолепный близнец, твоя сестра скинула твою фотографию со стены почета, и она уже даже не горит в огне. Она тлеет.

PS

Только Аня не узнала и вряд ли узнает, что на следующий день, после того как за обедом она, вместо того, чтобы рассказывать продолжение истории, шепнула “это точка, конец, меня выписывают” Настасью нашли мертвой в её кровати. Всего одно ранение исписанным стержнем ручки точно в артерию, без зеркала. И кипу исписанных по полям кроссвордов...

В дверь колотят. Дубасят как не в себя. А эта женщина – из рода Плешивых, по их женщинам всегда все мужики сходили с ума, что приводило к рождению и формированию в селе не только здоровой любви и крепких семейных ценностей, но и масштабных катастроф на фоне безрассудной страсти. Область ягодичных мышц у них была мощная и рабочая. И толкала мужскую часть населения на совершенно сумасшедшие поступки.

Это её батя говорит, головой качает, мол послал же бог испытание, а ничего не поделаешь, назад не вернёшь, а если вернёшь, себя потеряешь, а это считай мгновенная смерть вот и выбирай.

И зашагал. Руки в рукава засунул. Левую в правое, а правое наоборот, поглаживает руку руку, воздух в рукавах циркулирует, живет, и миру рассказывает шепотом эх Людка боль моя душа Людмила.

А что это значит, не говорит, говорит только эх Людка боль моя душа Людмила

Вскоре стало понятно, что у старика ответов просить дело заведомо проигрышное, а Людмила ничего не объясняет, визжит, Ваню, говорит, убьёт меня нахер, зарежет, без ножа зарежет.

А Ваню раскраснелся, дверь ломает, выходи, говорит, Людмила, я жить без тебя не могу, значит, тебе придётся со мной жить, а не пойдёшь, вообще не будешь жить. Я не могу и ты не будешь.

В руке шашку держит и булыжник. Шашку с ковра снял, булыжник уже у ворот поднял, Людмила, подзови Геннадия, я с ним дипломатически вопрос решать буду, и не визжи, я ведь люблю тебя огнём горю.

Геннадий дверь открывает, Ваню на него летит ако ястреб с оголенной шашкой и в самое солнечное сплетение ему норовит вонзить. Но ломается сталь о грудь могучую старика.

“Интересно девки пляшут”, – только в задумчивости и смог произнести Ваню.

А про камень свой забыл.

“Ты про камень то свой забыл”, – говорил Геннадий.

“Не забыл, – врет Ваню и не краснеет, – это я к нему Людмилку привяжу и в пруд кину, если со мной не пойдёт”.

“Не пойдёт! Бросай свой камень, да прямо в голову”, – закричала Людмила истошно, но быстро притихла.

Ваню в слезу возлюбленной своей заглянул, и у самого к горлу подкатило. Горько.

Он за руку её взял и прошептал:

“Душа моя, голову разбивать я тебе не буду. Я тебе этот скалы кусок на шею привяжу и в пруд брошу. А сам застрелюсь. Поэтому иди неси шмайсер да с отцом прощайся. А я тебя тут ждать буду”.

И облокотился о косяк дверной.

Людмила шмайсер передаёт Ваню и рассказывает:

“Так Геннадий сказал, что шмайсер тогда выстрелит, когда там будет патрон из соли и сахара заложен. Я и заложила, чтобы ты один на белом свете не остался ходить, когда я с концами утону”.

Ваню аж присел и говорит:

“Утица моя, голубушка, так ты любишь меня что ли?”

“Люблю, любимый! Люблю! Но с тобой все равно не пойду капец ты меня обидел”.

Загрустил снова Ваню, не хочет Людмилу топить.

Идёт, голову повесил, а сам думает-думает-и-придумал!

Остановился резко, привлёк к груди мохнатой возлюбленную – к самому сердцу:

“Иди, Людмила, домой, я все придумал”.

Раз я жить без тебя не могу, я без тебя застрелюсь. Один!

А у Людмилы лицо все пятнами покрылось нет говорит я тебе одному уметь не дам.

А тот – дашь!

Не дам!

“Дашь, – говорит, – и мозги мне, дорогая, не кушай”.

А Ваню шмайсер вверх дулом держит, на изводе, и быстренько нажала на курок Людмила.

“Не хило, – Ваню говорит, – да это, спасибо небесам, не последний патрон из сахара и соли на планете Земля”.

Но Ваню ошибался, Людмила ему про это рассказывает, а у самой сердце все сильнее и сильнее суживается.

Ваню за голову – что делать без патрона? Камень из рук Людмилы вырывает и за пазуху кладёт, и бросается в пруд.

Людмила снова орать! Но недолго орала – Ваню вылезает и признаётся:

“Я камень уронил, он без меня на корм рыбам ушёл, а я вот к тебе”.

Шашки нет, камня нет, шмайсер есть, но без патрона, да и шмайсера нет, Людмила признаётся, а зачем он нужен, я его выбросила.

И тут Ваню:

“Значит, мне ещё жить, а жить без тебя я не могу. Вот это во времена Софокла и звалось трагедией. Баста – конфликт неразрешим – глубже смерти небытие”.

Людмила в ответ ничего не говорит. Людмила думает. Так они сидят.

И тут – опа – признаки жизни от Плешивых; повод – всплывший из забвения факт наличия трёх бутербродов с докторской колбасой в закромах вместительного бюстгальтера.

Ваню второй доедает, Людмила первый жуёт, по-маленьку откусывает.

“Ты так хоть вкус чувствуешь, милая моя?” – спрашивает Ваню и в глаза заглядывает.

“Друг мой, так если я тебя люблю, а ты меня, а друг без друга мы ни жить, ни умереть, так может вместе пойдём?”

Говорит это Людмила, а над ней венец мудрости сияет. Ваню ей руку протянул, и в землю смотрит. Чувствует, к ладони тепло и нежность котёночком слепым свернулось.

И идут уже, болтают, Геннадий из окна их увидел, слава, говорит, вселенной, она не навредит, она любовь уважает, и уважение любит.

Знаешь, – говорит Ваню, – а я так рад, что мы с тобой идём, хоть и непонятно куда.

Умер. Да здравствует король!
здесь за гаражами возле ржавых баков
Боже! наконец-то... Господи! мы одни...
кирпичи и камни битые бутылки —
прекрасная природа и поле для любви

На Виктора налетел мускусный траурный запах: после смерти Леночки зеркала завесили худой черной тканью, переставили мебель: раздвинули пространство, чтобы поставить гроб. Все остальное оставили так, как было при жизни покойницы: говорят, так нужно для успокоения души.

Обойдя все комнаты, удостоверившись, что в квартире по-прежнему уютно, несмотря на похоронную атмосферу, Виктор сел за круглый стол, заботливо накрытый желтой скатертью в мелкий цветочек, и облегченно вздохнул. Его вдруг обволокла тихая бытовая радость от того,

что он не успел жениться на Леночке. Не было никаких справок, нотариусов, оформления наследства. Было короткое письмо о смерти, и все.

Леночку Витя обожал и единственный не верил, что она слабоумная. И имел основания: документально подтверждено это не было. Леночка даже работала, швеей в ателье, располагающемся в их доме на первом этаже, пришивала пуговицы, молнии на ширинки, укорачивала юбки. В какой-то степени, именно это ателье стало причиной, по которой Виктор сел в тюрьму на восемь лет, срок которых истек этим утром.

Тогда, чуть больше восьми лет назад, молодой человек по фамилии Максимов, это Виктор узнал уже в ходе следствия, забежал в ателье. На его руке висели брюки.

– Надо срочно поменять молнию и пуговку пришить. Ширинка разошлась, представляете, и так хорошо видно! А я в крупной компании работаю, мне проект презентовать сегодня, полчаса осталось. Одна надежда на вас!

Максимов улыбался широко и красиво. Леночка смотрела на него разинув рот, очень ей понравились его волосы, белые-белые. Она мотнула головой – Да.

– Только мне срочно надо, вот прямо сейчас.

Леночка снова понимающе кивнула и взяла из его рук брюки, гладко выглаженные, плотные на ощупь. Лена показала пальцами «десять минут» и Максимов, успокоившись, вышел на улицу.

Леночке ужасно понравился молодой человек, она понимала, что у него сегодня важная встреча и ей захотелось сделать ему что-нибудь приятное. Она отыскала в коробке самую яркую, кислотного желтого цвета молнию и решила пришить ее так, чтобы как можно лучше было видно. А пуговку выбрала синюю со светло-зелеными разводами.

Ловко и аккуратно пришила ее к скучным брюкам Максимова и села лицом к двери в ожидании полюбившегося клиента.

Он скоро вернулся.

– Это, блять, что? – Рот Максимова был искривлен смешком, он решил, что это может быть просто шутка.

Лена протянула ему брюки.

– На удачу, – она робко взглянула на Максимова снизу вверх.

– Где брюки мои?

Лена снова настойчиво протянула их ему.

– Твою ж мать! – белокурый бельмондо смачно выругался, – Я ведь объяснил, у меня встреча, важная презентация, мне уже ехать нужно, от этого работа моя зависит, от этого жизнь моя зависит, жизнь! Понимаешь?!

Леночке Максимов больше не нравился, он продолжал кричать, требовал сделать все правильно, но она уже не слышала его. Только скользила взглядом за его мечущейся из стороны в сторону фигурой, все окружающие предметы превратились в пятна, узнать Максимова можно было только по нервным скачкам из одного угла мастерской в другой. И Леночка заплакала. Сначала тихо, беззвучно, потом почувствовала на губе соленую слезу и начала рыдать в голос, сотрясаясь, закрывая покрасневшее лицо руками. И в этот момент зашел Виктор, он всегда, когда была возможность, приходил к Елене: поцелует ей щеки, ручки и убегает по делам.

Виктор бросился к Леночке, но та не отнимала рук от лица и плакала, громко, звучно. Он бросил свои попытки успокоить возлюбленную, поднялся и сделал глубокий короткий вдох. Ноздри Максимова заметно раздулись, он попятился, но продолжал бормотать о своей работе, о неисчислимом количестве стажировок, о кредите на учебу, о будущей красивой жизни.

Виктор схватил ножницы и крепко зажал в кулаке.

– Ну что вы, это же можно решить. Как-нибудь! Как-нибудь мирно... – проговорил отчетливо, но растерянно Максимов.

Виктор положил ножницы на стол. Леночка не унималась.

– Милая... – Виктор замер на секунду и снова метнулся к Максиму. Толкнул его в грудь и заревел. Схватив обидчика за ворот пиджака, ударил его головой о стену. Она отскочила, словно держалась не на шее, а на пружинке слинки. Леночка подняла глаза и хихикнула: инертные движения Максимова напомнили ей прыжки на батутах, мягкие резиновые стенки надувных замков для принцесс.

Виктор взялся за череп молодого человека, казавшийся слабым и хрупким в его уверенных руках.

Лицо обидчика было в крови. Виктор вернулся к столу, чтобы взять ножницы и присел, чтобы хорошо видеть лицо Лены.

– Тебе лучше? – она кивнула, и Виктор торжественно прошел по мастерской к Максиму, чтобы воткнуть в его грудь лезвие.

На суде Леночка тихо плакала и посылала воздушные поцелуи Вите. Витя знал, что она будет его ждать, жалел только, что не успел сделать ей предложение. Но сейчас понял, это было к лучшему, никакой мороки с документами.

Вскипятил чайник.

Виктор вспомнил руки Леночки, вспомнил, как она обнимала тихо за шею, а он, сидя, ронял на любимую свое тело. Она шатнувшись делала шаг назад, смеялась. Потом прищуривала слегка глаза, врезывалась взглядом в Витеньку, стояла так долго, рассматривая каждую его черточку, каждую клеточку. И каждый раз извлекала из своих наблюдений «Ты самый красивый».

И Витя верил, он всегда беспрекословно верил Леночке.

Нутро его сжалось, он почувствовал, что должен принести жертву, что ему самому слишком много, что нужно поделиться. *Чем?*

Он снова ощутил, как Леночка клала ему руки на мышечную шею.

Красотой.

Они писали письма друг другу. В тюрьме тем, кому не повезло найти работу, приходилось спасаться от скуки книгами. Читали все, что было в небогатой, наполненной преимущественно религиозной литературой библиотеке. Витя книги не читал, посвящал все свое время письмам Леночки, поэтому его речь, словарный запас и манеры при разговоре не слишком изменились: ждать от него странных, непривычных для обыденных разговоров выражений, скопированных невольно из классиков и богословов (от этого неловких и, как следствие, милых) не приходилось.

Леночка писала: «Такой нехороший поступок, некрасивый. Ты сделал Его очень некрасивым. Такой нехороший поступок можно исправить только чем-то красивым, понимаешь?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.